

DOI: 10.33184/dokbsu-2021.2.6

Тактика косвенного неодобрения 'X, называется!' (в русском, немецком и английском языках)

А. Л. Федорова

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: anna_frgf@rambler.ru

В статье рассматриваются дискурсивные варианты реализации речевой тактики косвенного неодобрения «X, называется!», описываются устойчивые фразы (фразеосхемы) русского языка, типичные для данной тактики, характеризуются их структурно-семантические особенности, коммуникативно-прагматический потенциал, эмоциональное наполнение, экспрессивно-выразительные возможности. Также проводится сравнительный анализ эквивалентных коммуникативных реализаций стратегии косвенного неодобрения (упрека) в русском, немецком и английском языках.

Ключевые слова: речевая тактика, косвенное неодобрение, упрек, фразеосхема, энантиосемия.

В настоящей статье рассматривается одна их характерных тактик косвенного неодобрения, нередко реализуемая в ситуации упрека и выявляемая с достаточной регулярностью в русском, немецком и английском языках. Схематично тактику можно обозначить как «X, называется!». Типичными примерами в русском языке могут служить фразы «Друг называется!», «Эх, друг называется!», «А еще друг называется!».

В «Словаре устойчивых фраз русского языка» В. Ю. Меликян, где представлены синтаксические фразеологические единицы, описываются следующие варианты:

1. **И это + называется + N!** Называется (-ютя) + N! N + называется (-ютя)!
2. **А еще [еще и] + N!** Еще [еще и] + N! А + N + еще! N + еще!
3. **Тоже + мне + N!** Тоже мне друг называется/ герой нашелся/ выискался/ понимаешь/ понимаете! [1].

По данным словаря, указанные устойчивые фразы выражают отрицательную оценку предмета речи как несоответствующего реальному положению дел, существующему мнению, представлению, нормативным свойствам, интересам и намерениям говорящего и сочетаются с возмущением, порицанием, укоризной, осуждением, огорчением, досадой, иронией, насмешкой и т.п. [1, с. 16, 156, 236]. Аналогичное значение имеют и

фразеосхемы «**Тот еще + N!** Еще тот + N! N + еще тот! N + тот еще!» и «**Хорош + N!**» [1, с. 161, 166]. Во всех представленных фразах усматривается общее семантическое ядро, а также коммуникативно-прагматический функционал, направленный на вынесение негативной оценки собеседнику, что позволяет рассматривать фразы в едином пространстве речевой стратегии упрека как варианты тактики «X, называется!».

Вместе с тем, в рамках функционально-коммуникативной парадигмы лингвистических исследований такие устойчивые фразы анализируются и описываются как отдельный класс синтаксических фразеологических единиц. Особый интерес для исследователей представляют фразеосинтаксические схемы, или фразеосхемы. По определению В. Ю. Меликян, фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная единица синтаксиса, обладающая предикативностью, воспроизводимостью, грамматической и лексической частичной нечленимостью, ограниченной распространяемостью и выполняющая в речи экспрессивную функцию [2, с. 162]. Структура фразеосхемы, по мнению исследователя, состоит из 2 ключевых компонентов: опорного, который не изменяется ни лексически, ни грамматически, и изменяемого компонента.

Поскольку объектом изучения в настоящей статье выступает тактика «X, называется!», рассмотрим более подробно фразеосхему «*И это + называется + N! / Называется (-ются) + N! / N + называется (-ются)!*», образующую структурно-семантический каркас для данной речевой тактики неодобрения. Опорный компонент фразы – полнозначная лексическая единица – глагол «*называется*». Во фразе возможно варьирование грамматической формы числа: *называется / называются*. Изменяемый компонент может быть представлен именем существительным в именительном или творительном падеже, а также глаголом в настоящем или прошедшем времени. Изменяемый глагольный компонент может быть распространенным (напр., дополнением, обстоятельством). Синтаксическая структура фразеосхемы мобильна, так как опорный и изменяемый компоненты нередко меняются местами относительно друг друга (ср.: «*Называется друг!*», «*Друг называется!*»). Изменяемый компонент может выделяться на письме запятой (напр., «*Кавалер, называется!*»). Однако употребление пунктуационного знака факультативно.

Как показывает анализ произведений художественной литературы, иллюстрирующих современный разговорный русский язык, в коммуникативном пространстве речевой стратегии косвенного неодобрения в целом и упрека в частности данная фразеосинтаксическая схема тесно смыкается со следующими устойчивыми фразами: «*А еще [еще и] + N!*» и «*Тоже мне друг называется!*», что позволяет рассматривать данные языковые единицы как варианты реализации тактики «X, называется!». Так, можно говорить о том, что ключевая фразеосхема «*И это + называется + N! / Называется (-ются) + N! / N + называется (-ются)!*» содержит, наряду с опорным и изменяемым компонентом, в отдельных случаях факультативные компоненты (*и это ..., а еще ..., еще ..., тоже мне..., тоже ...*), отвечающие за экспрессивное выражение выносимой оценки.

Семантически фразеосхема образована от глагола «называться», но значение фразы отличается, так как референт, предмет речи, не соответствует наименованию. Таким образом, данная фразеосхема – яркий пример энантиосемии, которая «предполагает противопоставление содержания и сообщения языковой единицы» [3, с. 73]. В случае энантиосемии сообщается одно значение, а подразумевается – противоположное значение. Так, энантиосемичны фразы «Хороша подруга!», «А еще сестра называется!», «Тоже мне помощник называется!».

Исследователи указывают на эффективность использования данного языкового приема для выражения субъективного отношения говорящего к объективной действительности [3]. Обращает на себя внимание тот факт, что изменяемый компонент в такой фразе обозначает понятие, обладающее положительной смысловой маркированностью (ср.: «Родня называется.», «Чемпион, называется!»). Данное слово выступает средоточием положительных качеств и типичных характеристик, приписываемых называемому явлению (предмету речи). Оно отсылает к стереотипам и нормам, принятым в культуре. Неоправданные ожидания говорящего – это результат несоответствия реальности привычному, нормативному ходу событий. Изменяемый компонент фразеосхемы лаконично и вполне определенно называет суть ожиданий говорящего.

Значимую роль в создании эффекта противоречия внешней формы и содержания энантиосемичной фразы играют просодический рисунок и дискурсивные маркеры в виде частиц, союзов и междометий. Неотъемлемыми компонентами анализируемых фразеосхем являются экспрессивность и эмоциональность, находящие свое языковое выражение в форме восклицательного предложения, которое обозначается на письме восклицательным знаком или точкой, но в последнем случае, как правило, сопровождается авторской ремаркой, указывающей на эмоциональность речи (напр., *Ты посмотри на них, – обращаясь к Илье, пожаловался Михаил. – Набросились. Родные сестры называется.* [4, с. 43]). Экспрессивность высказывания нередко усилена союзами «а», «и», а также междометиями, ср.: «Эх, а еще друг называется!», «И это называется друг!». В целом, экспрессивно-эмоциональный характер общения позволяет говорящему, с одной стороны, заявить о несоответствии его ожиданий и реальной действительности, в которой стереотипные представления о дружбе, родственных связях, мужественности и пр. остаются лишь на словах, а с другой стороны, указывает на субъективный характер этической оценки в коммуникативной ситуации упрека [5]. Фактически собеседник разрушает своими поступками положительные стереотипы, к которым и обращается говорящий в негативной оценке события. Междометие, выражая эмоцию сожаления, досады, разочарования и предваряя вербальную оценку неодобрения, выступает сигналом перлокутивного эффекта, что не случайно, так как «междометным фразам свойственна перлокуция, вызванная каким-либо событием, фактором среды» [6, с. 941].

Среди дискурсивных примеров реализации стратегии косвенного неодобрения в русском языке можно также обнаружить коммуникативные ходы с использованием фра-

зеосхемы «**Другой бы радовался!**», или «**Другой бы + N + радовался!**» (напр., *Другой бы сын радовался!*). Данная фраза обладает коммуникативно-прагматическим потенциалом, схожим с тактикой «X, называется!». Сходство усматривается и в семантике изменяемого компонента, отсылающего к стереотипу, норме, традиции. На письме фраза может оканчиваться «задумчивым» многоточием (напр., – *Ты што это, Вениамин? – сказал она с укоризной. – Другой бы муж радовался...* [7, с. 300]), что подчеркивает неагрессивность высказывания, косвенный характер неодобрения, мягкость упрека, адресованного тому, кто дорог.

Значимым в контексте реализации стратегии неодобрения видится дискурсивное использование фразеосхемы «**На то + и + N!**». В «Словаре устойчивых фраз русского языка» В. Ю. Меликян значение данной фразеосинтаксической схемы описано следующим образом: «выражает оценку предмета речи как полностью соответствующего своему назначению в сочетании с подтверждением, согласием, примирением и разнообразными эмоциями (досадой, разочарованием, одобрением, поощрением и т.п.)» [1, с. 97]. В словарной статье привлекает внимание указание на противоположные по своей сути эмоции: досады, разочарования, с одной стороны, и одобрения, поощрения, с другой. Показательным может служить следующий пример реализации стратегии упрека в русском языке:

– *Зато твой сын должен помнить и о себе, и о тебе, – упрямо стояла на своем Люся. – На то он и сын. У меня в голове не укладывается, как это ты, наша мать, можешь лежать на таких простынях. И никому до этого нет дела, все считают, что так и надо. Безобразие!* [4, с. 38]

Героиня объясняет в разговоре с матерью, каким, по ее мнению, следует быть настоящему сыну в отношениях с родителями. Иллокуция упрека возникает в данной коммуникативной ситуации в силу того, что брат героини – «сын» – присутствует при разговоре, т.е. слова о соответствии и назначении обращены косвенно и к нему. Тактику получения с ключевой фразой «*На то он и сын.*» сменяет тактика непонимания происходящего «*в голове не укладывается*», переходящая в прямое выражение негативной оценки ситуации «*Безобразие!*». Основным фактором, сближающим фразеосхему «**На то + и + N!**» с вышеописанными устойчивыми фразами, характерными для тактики «X, называется!», можно вновь назвать семантику изменяемого компонента, в которой есть значение нормы, стереотипности, типичности. Именно это семантическое ядро – опорная точка для суждения, ориентир для вынесения этической оценки.

Вариантом тактики «X, называется!» видится и фраза «**Эх ты/ Вы/ вы + N + можно сказать!**» (напр., «*Довольны?.. Эх Вы, пожилой, можно сказать, человек... (...) Как только не стыдно...* [8, с. 160]»), где опорный компонент представлен словосочетанием «*можно сказать*», близким по семантике к глаголу «*называть*» (ср.: *можно сказать* → *можно*

назвать → называется), а изменяемый компонент обозначает человека и присущие ему качества и характеристики, которые оцениваются положительно, но, вместе с тем, отсутствуют у референта. «Камертоном», указывающим на несоответствие языкового знака и означаемого, выступает междометие «эх» в сочетании с личным местоимением «ты/ Вы/ вы» в функции прямого обращения к адресату. Вступительные слова «Эх ты/ Вы/ вы ...» с полной определенностью высвечивают перлокутивный эффект, который вызвали предшествующие высказыванию действия собеседника, а также ярко выражают эмоции досады и разочарования говорящего. Несомненно, ключевую роль здесь играет междометие в силу своей «антропогенной» природы, сущностной способности «обозначать эмоциональные состояния и волеизъявление человека» [9, с. 179].

Схожие по семантике и прагматическому потенциалу фразеосхемы обнаруживаются и в других языках, напр., в немецком и английском языках. Представим некоторые фразеосхемы, эквивалентные анализируемым фразам в русском языке и собранные методом сплошной выборки из оригинальных произведений художественной литературы 20 века.

1. нем. **Das nenne ich + N!** Das nennt sich + N! Und das nenne ich + N! Und das nennt sich + N!

напр., *Das nenn ich Freundschaft!* [10, с. 27] // *Äh, keine blasse Ahnung von der Natur – und das nennt sich Förster.* [11, с. 87]

2. нем. **N + wollen Sie sein? N + willst du sein? N + wollt ihr sein?**

напр., *Akademiker wollen Sie sein? Ha!* [12, с. 30]

3. англ. **Call yourself + N.** You call yourself + N. And you call yourself + N.

напр., *'And you call yourself an English gentleman,' she exclaimed, savagely.* [13, с. 208] // *'Call yourself a man,' hissed Ruth.* [14, с. 44]

В целом структура немецких и английских фразеосхем идентична аналогичным русским фразеосхемам: опорный компонент – глаголы *nennen, to call*; изменяемый компонент – имя существительное. По синтаксической структуре, наряду с утвердительными высказываниями (*And you call yourself a man.*), возможны восклицательные предложения (*Das nenn ich Freundschaft!*) и риторические вопросы с характерным порядком слов в немецком языке (*Akademiker wollen Sie sein?*). Обращает на себя внимание использование союзов *und, and* и междометий *ha, äh*, создающих эмоционально-экспрессивную канву высказываний.

Фразеосхема «*N + wollen Sie sein? N + willst du sein?*» в немецком языке заслуживает отдельного внимания, так как отличается особой логико-семантической структурой и раскрывает дополнительную перспективу в интерпретации анализируемой тактики косвенного неодобрения. Опорный компонент фразы содержит модальный глагол желания и волеизъявления «*wollen*» (= *хотеть*) в сочетании со смысловым глаголом «*sein*»

(= *быть*). Изменяемый компонент называет ту характеристику собеседника, которой наделяет его не столько говорящий (в своих ожиданиях), сколько сам адресат считает себя таковым, по мнению говорящего. Синтаксически фраза имеет форму вопросительного предложения, прямой порядок слов в котором указывает на риторический характер вопроса. В прямом обращении к адресату звучит недопонимание и недоумение, а в сочетании с экспрессией междометия – скептическое отношение к собеседнику (ср.: *Akademiker wollen Sie sein? Na!*).

В заключение, следует отметить, что фразеосинтаксические схемы в анализируемых языках характеризуются структурной и семантической устойчивостью, воспроизводимостью в устной речи, эмоциональностью и экспрессивностью. Будучи стереотипными языковыми единицами, они широко используются в оценочных коммуникативных ситуациях, в частности в ситуации косвенного неодобрения, упрека. Описанные в данной работе фразеосхемы обладают единым семантическим ядром, общим прагматическим потенциалом и схожим эмоциональным наполнением, что позволяет рассматривать их в рамках стратегического подхода к коммуникации как дискурсивные варианты реализации речевой тактики «X, называется!».

Литература

1. Меликян В. Ю. Словарь устойчивых фраз русского языка. М.: Флинта: Наука, 2016. 336 с.
2. Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология: учебное пособие для студентов. М.: Флинта: Наука, 2017. 232 с.
3. Кравцова В. Ю. Специфика энантиосемического переосмысления языковых единиц // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза: материалы междунар. науч.-метод. конф. (г. Хабаровск, 25 ноября 2016 г.) / редкол.: А. А. Андреев и др. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 72–75.
4. Распутин В. Г. Последний срок; Прощание с Матерой; Пожар; Повести. М.: Сов. Россия, 1986. 384 с.
5. Федорова А. Л. Специфика диалогического повтора в коммуникативных тактиках косвенного неодобрения (в немецком и русском языках) // Доклады Башкирского университета, 2020. Т. 5. №2. С. 137–144.
6. Мурясов Р. З. Фонетическая, морфологическая и синтаксическая структура междометий // Вестник Башкирского университета, 2018. Т. 23. №3. С. 936–944.
7. Шукшин В. М. Рассказы. М.: Художественная литература, 1984. 495 с.
8. Вампилов А. В. Я с вами, люди: Рассказы, очерки, статьи, фельетоны и др. М.: Сов. Россия, 1988. 448 с.
9. Мурясов Р. З., Савельева Л. А. Периферийная зона системы частей речи (контрастивно-типологическое исследование: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. 188 с.
10. Zuckmayer C. Des Teufels General. Drama in drei Akten. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. 160 S.

11. Grass G. Werkausgabe. Bd. 2. Theaterspiele. Göttingen: Steidl Verlag, 1997. 496 S.
12. Loriots dramatische Werke. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1981. 318 S.
13. Maugham W. S. The Razor's Edge. М.: Менеджер, 1999. 320 с.
14. Simpson H. Four Bare Legs in a Bed and other stories. London: Minerva, 1991. 183 p.
15. Розов В. В поисках радости // Театр. 1957. №12. URL: <http://www.lib.ru>.

Статья рекомендована к печати кафедрой немецкой и французской филологии Башкирского государственного университета (д-р. филол. наук, проф. Р. Г. Гатауллин)

The tactic of indirect disapproval “Call yourself X!” (in Russian, German and English)

A. L. Fedorova

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: anna_frgf@rambler.ru

The given article is devoted to the indirect speech act of reproach and deals with the structural, semantic and pragmatic peculiarities of the tactic of indirect disapproval “Call yourself X!” in Russian, German and English literary texts. The linguistic analysis is based on the strategic approach to the communication and includes transmitting the speaker's intention of reproach/indirect disapproval through fixed phrase schemes. Special attention is given to the phenomenon of enantiosemy and to the discourse markers such as particles and interjections.

Keywords: speech tactic, indirect disapproval, reproach, fixed phrase scheme, enantiosemy.